

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА

УДК 904+935 (957) (470.6)

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-4-12-27

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВА
РАННЕФЕОДАЛЬНОГО ДЕРБЕНТА V-VII ВВ.****А.А. КУДРЯВЦЕВ**

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»
355000, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
E-mail: kaa0210@yandex.ru*

Аннотация. В исторической науке весьма актуальной и дискуссионной является проблема о характере общественного строя древних и средневековых государств Кавказа, в том числе, особый интерес вызывает вопрос о социальном устройстве его раннесредневековых обществ в различных этнополитических государственных образованиях Северного Кавказа и Закавказья. Значительная скудность письменных источников по проблеме социально-экономических отношений в государствах Закавказья, не говоря уже о Северном Кавказе, способствовала широкому привлечению исследователями материалов разнообразных сведений из письменных памятников Сасанидского Ирана, с которым в развитии государства Закавказья, Восточного и Северо-Восточного Кавказа прослеживаются значительные параллели и заимствования. Особый интерес для изучения данной проблемы имеют археологические данные о социальном устройстве и структуре городского общества раннефеодального Дербента V-VII вв. н.э., выявленные автором в ходе многолетних историко-археологических исследований города (1970-1995 гг.). Дербент широко известен в исторической литературе как крупнейший сасанидский оборонительный комплекс на Ближнем и Среднем Востоке, выдающийся мировой памятник фортификации на Кавказе, возникший в знаменитом Дербентском проходе – главных «Воротах» из степей Евразии в Закавказье и на Ближний Восток. Однако широкие археологические раскопки и анализ разнообразных письменных источников, включавших и знаменитые пехлевийские надписи на его раннесредневековых стенах, показали, что в V-VII вв. Дербент являлся не только главным оплотом Сасанидов в их борьбе с кочевниками на северной границе огромной державы, но и очень значительным городом, крупным торгово-экономическим центром, с развитой социальной структурой его полиэтничного населения.

Ключевые слова: Дербент; V-VII вв. н.э.; социальная структура; городской люд; феодальное сословие; марзпан; духовенство; конфессия.

**THE SOCIAL STRUCTURE OF EARLY MEDIEVAL URBAN SOCIETY OF
DERBENT IN V-VII CENTURIES****A.A. KUDRYAVTSEV**

*Federal state Autonomous educational institution of higher professional education «North-Caucasus Federal University»
355000, Stavropol, Pushkin street, 1
E-mail: kaa0210@yandex.ru*

Abstract. In modern historical science understanding of the nature of social systems of ancient and medieval states of the Caucasus is highly topical and debatable problem. It embraces as an aspect of particular interest the issue of social structure of early medieval societies in various ethno-political entities of the North Caucasus and Transcaucasia. A substantial paucity of written sources on the socio-economic relations in Transcaucasian societies, not to mention the North Caucasus, makes necessary for researchers to rely on materials of various sources from Sasanian Iran's records, due to meaningful parallels and borrowings which can be traced with it in the development of the States of Transcaucasia, Eastern and North-Eastern Caucasus. Of particular interest for the researches on this issue are archaeological data on social order and the structure of the early urban feudal society of V-VII centuries A.D. Derbent city, that were conducted by the author of this article for a long times (1970-1995). Derbent is widely known in historical literature as the largest Sasanian defensive complex in the middle East, an outstanding worldly monument of fortification in the Caucasus that emerged in the famous Derbent pass – the main gateway from the steppes of Eurasia to the Transcaucasia and the Middle East. However, an extensive archaeological excavations and analysis of a variety of written sources, which included the famous Pahlavi inscriptions on its early medieval walls, showed that in V-VII centuries. Derbent was not only the main stronghold of the Sassanids in their struggle with the nomads on the Northern border of the great power, but also a very significant city, a major trade and economic center with a developed social structure of its multiethnic population.

Key words: Derbent; V-VII centuries A.D.; social structure; urban inhabitant; feudal estate; marzpan; clergy; confession.

Письменные источники сохранили довольно немногочисленные сведения о социальной структуре Дербента раннефеодальной поры. Принимая во внимание тот факт, что, наряду с очень древним местным этническим пластом, значительную часть населения города составляли переселенцы из внутренних областей Сасанидского Ирана и воины дербентского персидского гарнизона, можно предполагать о сходных путях социального развития Дербента с другими известными городами Западного Ирана и ряда территорий Закавказья.

В связи с этим уместно упомянуть, что известный востоковед Н.В. Пигулевская в исследовании, посвященном раннефеодальным городам Ирана, справедливо отмечала, что в раннесредневековый период происходят значительные изменения социальной структуры города и его роли в социально-экономическом развитии феодализирующегося общества. Экономически города «были центрами ремесла и торговли, а также административными единицами. Политически они становились опорой укреплявшейся феодальной знати, когда попадали в зависимость от нее, особенно в более поздний период развития средневекового общества» [26, с. 267]. В раннесредневековых городах Ирана и Закавказья население имело более льготные условия, чем крестьянство [26, с. 267], и целый ряд источников указывает на особое положение первых [15; 13, с. 84-85, 101].

В феодализирующемся обществе роль города весьма значительна и определяется более глубоким разделением труда, дальнейшим отделением ремесла от сельского хозяйства, более узкой специализацией ремесленного производства и дифференциацией его отдельных отраслей.

Исторические условия, определившие появление раннесредневекового Дербента, как одного из главных военно-политических центров на Кавказе, способствовали своеобразному положению города в социально-экономической структуре общества данного региона.

Первоначально он являлся военно-стратегическим оплотом Сасанидов на Кавказе, резиденцией иранских наместников – марзпанов, хранителей границ, значительным административным центром, местопребыванием большого гарнизона. Здесь оседал определенный процент местной знати, перешедшей на службу к персам, и землевладельцев округа, искавших защиту за крепкими стенами города. Значительную часть населения города составляли переселенцы из внутренних районов Сасанидского Ирана. Наличие здесь внушительного количества солдат, чиновников, служителей культа и военных колонистов несомненно привлекало в Дербент торговцев и ремесленников, которые должны были обеспечивать обитателей города всем необходимым. Последних привлекали хорошие барыши и постоянный сбыт продукции, сравнительно легко достигаемые в обстановке военного пограничного города с бесчисленными стычками и походами, грабежами и захватом добычи.

Однако первоначально торгово-экономическая деятельность не являлась главной причиной формирования и развития города, она носила второстепенный характер, а торговцы и ремесленники не были ядром градообразующего населения. Основой становления и роста Дербента оставались военно-политические факторы. Большую роль в превращении Дербента из чисто стратегического пункта в развитый раннесредневековый город сыграла широкая строительная деятельность Сасанидов [17, с. 179].

Огромные масштабы фортификационного строительства, проводимого иранцами в Дербенте, потребовали длительного скопления здесь большого количества рабочих самых различных профессий. Особое развитие получают специализированные виды строительных работ и камнеобрабатывающий промысел. В этот период здесь производились систематические разработки камня и появились крупные каменоломни, где добывался местный ракушечник, распиливаемый на стандартные блоки. Была налажена доставка камня в Дербент по морю, а дальше его отправляли по специально проложенным дорогам в районы строительства. Помимо рабочих, занятых добычей, распиловкой и доставкой камня, в строительном процессе участвовали каменотесы, мастера-камнеукладчики, приготовители специального раствора необычайной прочности [17, с. 179].

Скопление в Дербенте больших людских масс, оторванных от привычной хозяйственной деятельности и нуждавшихся в самых необходимых предметах обихода, несомненно, способствовало быстрому развитию здесь ремесла и торговли, значительному увеличению числа ремесленников и торговцев.

Наряду со строительным делом в раннесредневековом городе, как уже отмечалось, получили развитие многие другие виды ремесла, и гончары, стеклодувы, кузнецы, ткачи, пекари, рыбаки и представители других профессий наряду со строительными рабочими и торговцами составили основу городского люда [17, с. 180].

Изучение материалов Дербента VI – начала VIII в. позволяет говорить об активном формировании в раннесредневековом городе классов-сословий, составляющих социальную основу феодального общества. С одной стороны, это торгово-ремесленный городской люд, ядро которого составляли лично свободные ремесленники и торговцы, а с другой – класс-сословие, включавший в себя крупную и мелкую военно-феодальную знать, духовенство, представителей административно-чиновничьего аппарата.

Данные археологических раскопок, изучение нарративных и эпиграфических источников выявили наличие в Дербенте VI – начала VIII в. целого ряда признаков, в том числе существование развитой социально-экономической базы, сформировавшихся классов-сословий, четкой феодальной иерархии, позволяющих видеть в нем один из первых раннефеодальных городов Северного Кавказа со сложной социальной структурой городского общества.

Городские низы. Уже в самой исторической топографии раннесредневекового Дербента, в его двухчастной структуре и территориальной застройке, выявленных археологическими раскопками, определенно заключена социально-сословная характеристика городского общества этой поры, что подтверждается многочисленными разнохарактерными материалами из культурных напластований цитадели и шахристана, т.е. собственно города V – начала VIII в.

Археологические исследования позволили рассматривать раннесредневековый Дербент не только как очень важный военно-политический пункт Сасанидского Ирана на Кавказе, но и как крупный торгово-экономический центр, весь ход исторического развития которого позволяет предполагать наличие здесь весьма сложной социальной структуры местного общества.

Изучение топографии и застройки шахристана Дербента VI – начала VIII в. дает основание считать, что большую часть населения города этой поры составлял торгово-ремесленный люд, который в отличие от конца IV – V в. стал значительно преобладать над солдатами гарнизона. В этом сыграли свою главную роль в основном два фактора, решающим из которых был экономический подъем города, связанный с развитием его ремесла и торговли, а вторым – резкое уменьшение количества воинов в связи с появлением мощной каменной фортификации Дербента, перекрывшей весь проход до моря и сильно облегчившей защиту «ворот». В связи с этим арабские авторы IX-X вв. писали, что если для охраны этой местности раньше требовалось 50 тысяч воинов [11, с. 11], то после возведения каменных укреплений достаточно стало 100 человек [4; 10, с. 7; 17]. И хотя эти данные явно преувеличены и 100 человек вряд ли могли охранять город, количество солдат гарнизона в VI – VII вв., по сравнению с более ранним периодом, видимо, действительно сократилось в несколько раз.

Выявленный в ходе археологических исследований высокий уровень экономического развития Дербента, о чем свидетельствует наличие здесь всех основных видов ремесленного производства (керамического, строительного,

камнеобрабатывающего, стеклоделательного, ткацкого, металлообрабатывающего и др.), присущих крупным городам средневекового Востока, несомненно, нашел отражение и в социальной структуре местного общества.

Подобно другим раннесредневековым городам Ирана и Закавказья, здесь на первое место в количественном отношении выдвинулись ремесленники и мелкие торговцы. Как уже отмечалось, основу застройки шахристана этого времени составляют небольшие одно- или двухкамерные жилища с небогатым инвентарем, различными приспособлениями и орудиями труда ремесленников, здесь же были выявлены останки ремесленного производства. В раннесредневековом Дербенте, который начинал играть все большую роль в феодализации общества прилегающих областей Северо-Восточного Кавказа, ремесленник – свободный производитель, как и везде на средневековом Востоке [26, с. 272], становился центральной фигурой. Однако, исследования этого сословия в раннесредневековых городах Ирана и Закавказья показали, что оно занимало одну из самых низких ступеней в социальной иерархии и в зороастрийском Иране даже не имело своего священного огня [26, с. 272-273]. «Не только Авеста, но и памятник, воспевающий Арташира IV Карнамаг, знает в Иране только три сословия – жреческое, военное и земледельческое» [26, с. 272-273]. Соответственно существовало и три главных огня: огонь магов жрецов, огонь воинов, к которым причислялся и царь, огонь земледельцев. Рост числа и расцвет городов в раннесредневековом Иране, которым способствовали усилия в этом направлении почти всех сасанидских царей, развитие ремесла и торговли, увеличение количества ремесленников и их возросшая роль в феодализирующемся обществе, способствовали выделению особого «городского сословия», которое характеризовалось как «прислуживающее» или «услуживающее» [26, с. 276].

Подобная социальная стратификация, надо полагать, была присуща и дербентскому раннесредневековому обществу. Естественно, что это «четвертое сословие» не было однородно, и дальнейшее углубление процессов феодализации общества вело к его расслоению, к дальнейшей имущественной дифференциации. Имущественное расслоение внутри этого сословия, видимо, дополнялось неравным положением отдельных этнических групп городского населения, слагавшегося, несмотря на значительную пестроту, в основном из двух частей: местной и пришлой, переселенной сюда сасанидскими правителями из других частей государства. Данные археологических исследований и значительные материалы, полученные при раскопках шахристана, хотя пока и не во всех районах последнего, дают основания думать, что местное население составляло беднейшую или более бесправную часть городского люда. Тот факт, что местная красноангобированная керамика, типичная для досасанидского Дербента (до середины V в.) и бытовавшая в VI-VIII вв. на многих памятниках Дагестана и Северного Азербайджана, отмечена в основном лишь в нижних районах шахристана, фактически на его окраинах, позволяет предполагать определенное неравенство внутри «четвертого сословия». Возможно, что переселенцы, составляющие значительную часть

населения города, имели некоторые привилегии перед местными обитателями шахристана. Среди переселенных в Дербент жителей были ремесленники из завоеванных персами городов Востока, Византии и Закавказья. М.М. Дьяконов так писал об этническом составе населения городов Ирана подобных Дербенту: «Городское население запада состояло в основном из сирийцев, евреев и греков, преимущественно ремесленников, переселенных сюда из завоеванных сасанидскими царями городов» [6, с. 185]. Возможно, более высокая квалификация и покровительство иранских правителей Дербента ставило этих переселенцев-ремесленников в привилегированное положение по сравнению с местными жителями.

В связи с положением отдельных категорий сельского и городского населения Закавказья в период персидского владычества крупнейший кавказовед А.П. Новосельцев писал «о неодинаковом положении различных категорий трудящегося люда, равно как и об их постепенном сближении в процессе феодализации» [25, с. 185].

Определенное неравенство между пришлым и местным населением раннесредневекового Дербента зависело, конечно, не от сословного положения различных этнических групп (и те и другие относились к эксплуатируемой части его обитателей - городскому люду), скорее имущественное положение большинства представителей той и другой группы было различным. Большая часть переселенных жителей Дербента должна была быть квалифицированными ремесленниками, иначе не было смысла переселять их сюда, или военными колонистами, тогда как местное население города формировалось, вероятно, в значительной мере за счет крестьянства прилегавших областей Кавказской Албании, согнанного сюда для различных строительных работ. Многие из них не имели строительных профессий и использовались в качестве подсобных рабочих на трудоемких черных работах. В VI-VII вв., т.е. в период наиболее интенсивных строительных работ в Дербенте, основная часть этих людей были лично свободными, так как «албанское свободное крестьянство (шинаканы) в своей массе потеряло свободу где-то на рубеже VI-VII вв.» [25, с. 189]. Это позволяло (или в силу каких-то причин вынуждало) определенной части согнанных для строительных работ крестьян оседать в городе, где существовали более льготные условия и определенные привилегии по сравнению с сельской местностью. Но отсутствие у большинства из них достаточно высокой квалификации и профессиональных навыков ставило их в неравное положение по сравнению с ремесленниками-профессионалами из числа переселенцев, и эта часть местного населения пополняла беднейшие прослойки городских низов. Конечно, это не означает, что в городе не было местных ремесленников, опиравшихся на существовавшие здесь традиции и генетически связанные с мастерами Дербента досасанидского периода, но пришлые на этом этапе сначала, видимо, преобладали. Анализ многочисленных вещественных комплексов раннесредневекового Дербента позволяет утверждать, что наряду с ремесленниками-переселенцами в городе работало значительное число и местных мастеров-профессионалов, положение которых, вероятно, мало чем отличалось от первых. В дальнейшем, по мере

развития города, четкие этнические разграничения между местным и пришлым населением, в значительной степени стирались.

Господствующий класс-сословие этот класс был представлен в Дербенте крупной и мелкой военно-феодальной знатью, христианским духовенством (вероятно, и зороастрийским жречеством), чиновниками различных рангов. Наличие феодальной иерархии, четко прослеживаемой в социальной структуре дербентского общества, являющейся одним из важнейших признаков феодальной формации, в отечественной историографии хотя и не признается, в отличие от зарубежной, основным, но «тем не менее, имеет существенное значение» [25, с. 207]. В Дербенте феодальное сословие в V-VII вв. представлено иранской и местной кавказской военной знатью, чиновниками иранской администрации и духовенства.

Верховная власть. В дербентском раннефеодальном обществе верхнюю ступень иерархической лестницы занимал иранский наместник, правитель города, назначавшийся сасанидским царем.

Он носил титул «марзпана», свидетельствующий об очень значительном ранге дербентского правителя и его высоком положении в административно-бюрократическом аппарате Сасанидакого Ирана. Марзпан стоял во главе крупной области или провинции (в зависимости от времени и места он именовался в Сасанидском Иране шахом, шахредаром, шахрапом, марзпаном). В раннесасанидских надписях «титул марзпан не встречается, но позднее (видимо, с конца IV – V вв. – А.К.) он обозначал правителя пограничной области, очевидно, наделенного и военной властью» [6, с. 288]. Иранский наместник, управлявший городом и всей областью прохода и именовавшийся обычно в источниках «марзпаном Чора», обладал столь значительными военными силами и полномочиями, что при необходимости мог сам без поддержки центральной власти подавлять атииранские выступления в Албании и даже Армении [7, с. 76-77], хотя последняя не входила в сферу его влияния и зависимости. По сведениям раннесредневековых армянских источников, в подчинении «марзпана Чора» находилось «десять тысяч конницы» [7, с. 68] и ему, видимо, подчинялись все иранские войска в Албании. Так, во время атииранского восстания против Закавказья марзпан Чора Себухт «не стал выжидать в краях Чора, а сосредоточил все множество своих войск и поспешно перешел большую реку, именуемую Кур» [7, с. 77].

Наряду с персидскими войсками, охрану «ворот» должны были нести армянские и албанские конные отряды. Источники V в. (Егише) упоминают армянских нахараров, которые со своими дружинами «были в северных краях в «һонской крепости (крепости Чора, т.е. Дербента. – А.К.)» [7, с. 53].

О высоком положении правителя Дербента сасанидской поры свидетельствуют сообщения и грузинских раннесредневековых источников. Так, в «Мученичестве святой Шушаники», древнейшем из дошедших памятников грузинской литературы, упоминается о посещении Дербента грузинскими питиахшами (царь, правитель) «Питиахш (имеется в виду Варскен. – А.К.) отправился в Чору» [23, с. 9]. Причем, судя по дальнейшему тексту источника, авторитет иранского наместника в Дербенте был столь велик,

что при решении своего вопроса грузинский питиахш собирался обращаться или к сасанидскому царю, или к нему. Угрожая заключенной в темницу царице Шушанике, не желавшей отречься от христианства, «питиахш прислал посредников сказать ей: Или выполни мою волю и возвращайся во дворец, или же, если не вернешься, отправлю тебя на осле в Чору или ко двору царя персидского» [23, с. 10]. Однако потом питиахш передумал посылать ее в Чору, побоявшись «как бы там она не стала женой какого-нибудь князя» [23, с. 10]. Сообщения этого источника свидетельствуют об особом положении дербентского марзпана в административной структуре региона и всей иерархии Сасанидской державы. Как можно понять из источника, его резиденция, куда для решения своих вопросов являлись цари Картли и других областей Кавказа была и местопребыванием его пышного двора, состоявшего не только из персидской знати, но и из местных кавказских феодалов, вероятнее всего, христиан (албанских, армянских и др.), иначе за какую же князя могла выйти замуж столь ревностная христианка Шушаника, которую не сломили, ни тюрьма, ни лишения.

Упразднение царской власти в Албании, замененной иранским марзпаном, вследствие чего резиденция иранского наместника на Восточном Кавказе была перенесена в столицу страны, военные реформы Хосрова Ануширвана, а также завершение строительства каменного оборонительного комплекса, сократившие численность войск, охранявших «ворота», сказались на положении правителя Дербента. Его ранг в военно-бюрократической иерархии Сасанидского Ирана несколько понизился и он уже не обладал столь большими военными полномочиями, политической и административной властью.

Однако на правителях Дербента по-прежнему лежали обязанности по охране северных границ государства, которые подвергались все большей опасности со стороны крепнущей Хазарии, нередко выступавшей союзником Византии. В его подчинении оставалась очень важная в военно-стратегическом отношении область прохода и весьма внушительные военные силы. Дербент продолжал оставаться не только главным оплотом Сасанидов на Кавказе, но и важнейшим плацдармом в их продвижении на север, что, несомненно, ставило правителя города на весьма высокую ступень иерархической лестницы Ирана.

В определенной мере об этом свидетельствуют и переговоры, которые, по данным известного историка X века ат-Табари, вел правитель Дербента с арабами, появившимися у стен города уже после крушения Сасанидской державы. Он, вероятно, чувствуя свою силу, «заключил с арабами мир, но джизию (подушных налогов на немусульман. – А.К.) платить не хотел», заявив им: «вместо джизии мы будем воевать (против хазар. – А.К.)» [2, с. 39].

Стоит отметить, что этот правитель города по имени Шахр-Бараз, последний наместник Сасанидского царя Ездигерд III, входивший в число высших чиновников Сасанидского Ирана, «был родственником своего знаменитого тезки, завоевавшего Иерусалим в 614 г. и в течение нескольких месяцев занимавшего трон Хосроев» [22, с. 38].

Отрывочные сведения письменных источников о положении правителя города и о его статусе среди иранской администрации могут быть дополнены раскопками в цитадели, где был выявлен очень крупный комплекс дворцовой архитектуры VI-VII вв., единственный пока на всем Кавказе. Внушительные размеры дворца, протяженность которого превышает 100 м, монументальность и сложноплановость его архитектуры, богатство интерьера и инвентаря не оставляют сомнений в том, что данный архитектурный комплекс представлял собой дворец правителя Дербента – одного из очень высокопоставленных представителей сасанидской администрации на Кавказе.

Военное сословие в городском обществе раннесредневековой Дербента было представлено в основном многочисленными воинами иранского гарнизона, а также феодальным ополчением из Албании и Армении, вспомогательными отрядами местных правителей окрестных селений. До военной реформы Хосрова Ануширвана все войско Сасанидов состояло из ополчения, главной силой которого была конница из «азатов» (свободных). Наряду с конницей существовали вспомогательные отряды, набиравшиеся из зависимых, вся роль которых сводилась к тому, чтобы следовать за войском и выполнять черную работу «разрушать стены, собирать трупы и служить воинам» [27, с. 311]. Подобное ополченское войско было трудно управляемым и весьма ненадежным, особенно в борьбе сасанидских правителей со знатью. Оно было заменено Хосровом Ануширваном на регулярную армию, состоявшую на жалования у царя, а потому целиком преданную ему, основу которой также составляла конница [6, с. 311-312].

Подобная политика способствовала формированию новой военно-феодальной прослойки, служившей опорой царю в его борьбе со старой знатью.

Сведения из источников о «десяти тысячах конницы», составляющих войско «марзпана Чора», позволяют утверждать, что и в Дербенте, подобно другим областям Сасанидского государства, основу военных сил составляла тяжелая кавалерия. Из конницы состояли отряды албанских и армянских нахараров, которые, по сообщениям раннесредневековых армянских авторов [26, с. 53], несли охрану ворот вместе с персами. Армянские и албанские конные отряды («азатагунд или азатахумб» конное войско) состояли из мелких и средних феодалов-азатов, вассалов царей, нахараров и церкви [25, с. 19]. Именно иранская кавалерия и кавказские конные отряды были реальной военной силой, способной отразить набеги кочевников и защитить от них Закавказье и другие Сасанидские провинции.

По мнению А.П. Новосельцева, азаты в IV – начале VIII в. «в своей массе не что иное, как сохранивший свободу и влившийся в состав господствующего класса остаток народа-войска» [25, с. 197]. Однако азаты в Армении и Албании не совсем соответствовали этому сословию в Иране, несмотря на идентичность терминологии, а скорее всего им «соответствуют дехкане, т.е. верхушка общинного крестьянства, выделившаяся в Иране в V-VI вв., часть которой затем, сменив уничтоженную или слившуюся с ней родовую знать, стала в конце VI-VII вв. крупнейшими землевладельцами Сасанидского государства кануна его падении» [25, с. 197-198]. К периоду крушения Сасанидского Ирана

относится упоминание источниками этого социального термина «дехкан» для Дербента. «Самое раннее упоминание уроженцев ал-Баба мусульманские источники дают под 15 г. х. / 636 г.: некий дихкан из ал-Баба, по имени Шахрийар, чья наружность (подобно верблюду) поразила арабов, командовал отрядом сасанидской армии и был убит в единоборстве с одним арабом в Куса, около ал-Мадаина» [22, с. 38].

А.П. Новосельцев, исследовавший вопросы формирования феодальных классов-сословий в странах Закавказья, считает; «что термин «дехкан», причем в иранском варианте, имел хождение в Кавказской Албании. Правда, у Каланкатвази, как и в прочих памятниках на грабаре, этого слова нет, но мы знаем о его употреблении в более позднее время, вплоть до XI - XII вв., когда дехкане Ширвана и Аррана были средними землевладельцами» [25, с. 187]. Термин этот, мало употреблявшийся и быстро исчезнувший в армянской среде, «бытсвал в Албании, а затем в Ширване, где прошел ту же эволюцию, что и в Иране» [25, с. 187]. Есть все основания полагать, что все вышесказанное по поводу термина «дехкан» и социально-экономического положения этой прослойки в феодальном обществе указанных регионов справедливо и для Дербента, крупнейшего города Албании с иранским и местным албанским населением.

Наряду с регулярными персидскими войсками и отрядами закавказских феодалов в состав военного сословия Дербента входили и переселенцы из различных областей Сасанидского Ирана. Поселения воинственных племен на границах государства практиковались на древнем Востоке довольно широко и сасанидские правители не составляли здесь исключения [6, с. 312]. Значительное количество подобных поселений для охраны прохода было создано Хосровом Ануширваном вдоль всей системы дербентских укреплений [4; 21, с. 5, 190]. Стажа проходов получала вознаграждение и состояла «из людей, переселенных из разных стран и из надежных лиц» [28, с. 101].

Для обозначения этих переселенцев арабы пользуются иранским термином, который И. Маркварт переводит как «служилые люди», а В.Ф. Минорокий – как «сторожа» [22, с. 31]. С.Т. Еремян пытается видеть в этом термине этнический аспект, определявший происхождение данных пограничных стражей из области Сисакан (Сюник) [8, с. 33-40], но это мнение не встретило поддержки у специалистов [9, с. 15]. За свою службу эти «стражи» получали в пользование окружающие земли «и вся населенная местность, которой они завладеют, была предоставлена в их исключительное пользование» [3, с. 12-13]. Это позволяет отдельным исследователям видеть в этих «стражах», или «служилых людях» военно-феодальную прослойку, получавшую за свою службу определенный земельный надел, т.е. характерный для феодальных отношений институт землевладения. Оставляя открытым вопрос о самом институте «икта» в Дагестане в этот период, отметим, что некоторая часть этих «служилых людей» влилась в городское военно-феодальное сословие Дербента, хотя, конечно, большинство их проживало за его пределами, в поселениях сельскохозяйственной округи, расположенных вдоль Горной стены.

Следует отметить, что раннесредневековые источники различают регулярные войска дербентского гарнизона от разносословного ополчения, которое принимало участие в защите города при осаде и включало не только феодальную знать, но и городские низы. Так, албанский автор VII в. Мовсес Каланкатвази, выделяя эти категории, писал, «что произошло с защитниками великого города Чора и с войсками, находящимися на дивных стенах» [12, с. 105].

Исследования в цитадели раннесредневекового города позволяют предполагать, что здесь располагалось значительное количество воинов, вероятно, основная часть регулярных военных сил гарнизона, находившегося на содержании государства. Как явствует из среднеперсидских надписей на остраках города Дура-Европос, который, подобно Дербенту, имел значительный гарнизон, иранские воины получали «хлебное довольствие» из запасов шахраба города и вероятно имели какие-то пожалованные им земли» [21, с. 65]. Из сирийских хроник (Иешу Стилит) мы знаем о выдаче «пшеницы» из зернохранилища в городе Эдессе [26, с. 208].

Чиновники, именовавшиеся в Иране семитско-иранским термином «дабир» («дпир») [25, с. 207], представляли в Дербенте, как и во всем Сасанидском государстве, очень влиятельное сословие. В Иране в VI-VII вв. это сословие, составлявшее основу административно-бюрократического аппарата государства, было крупной политической и экономической силой и играло важную роль в его раннефеодальном обществе.

Существовала царская канцелярия, которую возглавлял эран-диперпат, стоявший во главе всего многочисленного сословия «писцов» царского чиновничьего аппарата. Помимо него существовали глава податного сословия (земледельцев и ремесленников), именуемый соответственно вастриошансаром и хутухшпатом, а также глава финансов эран-амаркар, которому подчинялись амаркары, возглавлявшие финансовые ведомства отдельных провинций [25, с. 207]. Чиновники каждого из названных ведомств существовали в провинциях Сасанидской державы и в канцеляриях правителей крупных городов.

Эпиграфические памятники Дербента свидетельствуют, что подобное административно-бюрократическое сословие существовало и в его городском обществе, причем здесь временно или постоянно присутствовали и высшие чиновники всей провинции (Восточного Кавказа), главы ее отдельных ведомств. Так, в пехлевийских (среднеперсидских) надписях города V-VII вв. упомянут один из «амаркаров», вероятно, глава финансового ведомства Кавказской Албании. Надпись гласит: «Это и отсюда вверх Барзниш, амаркар Атурпатакана выполнил» (перевод Г.С. Ниберга) [24, с. 29], или: «Это и от этого вверх сделал Дарпуш, сын Атурпатакана, хамаркар» (перевод В.Г. Луконина, прислан в рецензии на статью автора).

На Кавказе на чиновнике, носившем этот сасанидский титул, лежали обязанности по сбору податей в провинции, заведование местными финансами и производство строительных работ [15, с. 46, 54].

В другой, лишь частично прочитанной пехлевийской надписи Дербента, вероятно, идет речь еще об одном крупном чиновнике «Атурене» (чтение Г.С. Ниберга) [24, с. 32] или «Атургушнаспе» (перевод В.Г. Луконина).

Эти данные позволяют предполагать наличие у правителя Дербента собственной канцелярии со значительным административно-чиновничьим аппаратом и о весьма влиятельном положении сословия «дабиров» в социальной структуре феодального общества города. Эта социальная прослойка на Востоке и в Закавказье была тесно связана с верховной властью, однако «она не была достаточно сильной, чтобы стать ее опорой в борьбе с сепаратизмом феодальной знати [25, с. 207].

Духовенство занимало особое положение в социальной структуре дербентского общества, что было связано не только с очень сильными позициями христианской церкви в Дербенте, как и во всем Закавказье, но и со сложными противоречиями идеологического характера, которые возникали в силу различного вероисповедания сасанидской военно-административной верхушки и основной части населения города. Христианство; начавшее укрепляться в Дербенте в IV в., уже в V в. было религией основной части неиранского населения города. Крупнейший российский востоковед В.В. Бартольд, в связи с распространением здесь христианства отмечал, что оно одержало победу в пограничных областях Персии, и арабы, захватившие эти районы, «упоминают о христианстве как о религии местного населения, а о последователях зороастризма не упоминается» [5, с. 672]. Христианское духовенство являлась «особым слоем, весьма сильным и влиятельным во всех странах Закавказья» [25, с. 202]. Духовенство Дербента не было исключением в этом плане, наоборот, положение его в структуре местного общества было намного выше, чем во многих других городах Закавказья и Ирана. Близость Ватнианского поля, где погиб мученической смертью от рук маскутов один из первых христианских миссионеров на Восточном Кавказе епископ Григорис [13, с. 14] и пребывание здесь албанского царя Ваче II, потерявшего корону из-за своей приверженности к христианству [7, с. 11-12], делало Дербент одной из христианских святынь Кавказа. В то же время город был и крупнейшим христианским центром Кавказской Албании, где, по сообщениям авторитетных раннесредневековых источников, находилась резиденция католикоса (патриарха) страны, перенесенная позднее в Партав [12, с. 90]. Однако В.В. Бартольд считал, что при арабах патриарх, вновь вернулся в Дербент [5, с. 672].

В связи с вопросом о титулатуре главы дербентской христианской церкви уместно коснуться вопроса о его месте в иерархии высшей духовной знати Кавказа. Мовсес Каланкатваци называет его главой албанской церкви и сообщает в связи с перенесением его престола из Дербента следующее: «После того страна наша попала под власть хазаров; церкви и писания преданы были огню. Тогда во второй год Хозроя, царя царей, в начале армянского летосчисления перенесли престол патриарший из города Чога в столицу Партав, по случаю хищнических набегов врагов креста Господня» [12, с. 90]. Это сообщение Мовсеса Каланкатваци вызвало значительные расхождения у специалистов по поводу достоверности титулатуры главы дербентской церкви.

Одни исследователи считали подобные сведения правдоподобными и заслуживающими доверия [5, с. 672], другие, не отрицая очень высокого сана главы дербентской Церкви в иерархии духовенства Кавказской Албании, полагали, что речь может идти не о католикосе, а лишь о епископе [1, с. 124-125]. Таким образом, будучи единодушны в принадлежности главы дербентской церкви к высшей духовной знати Албании, исследователи расходятся в вопросе его титулатуры. Титул католикос, или хайрапет для албанской церкви раннего времени не известен [25, с. 204]. По Канонам царя Вачагана (агуэзские каноны), относящимся к концу V в., известны архиепископ, а также епископы. Ф. Мамедова считает, что «в условиях Албании высшие церковные чины – патриарх, католикос, архиепископ применялись как равнозначные термины. Так, ИА (История агван. – А.К.) сообщает, что по греческой церковной иерархии полагалось девять степеней (чинов): Патриарх, который является айрапетом и архиепископ, который называется епископосапетом и католикосом; айрапет – армянское слово, калькированное с греческого патриарх, а епископосапет – с греческого архиепископ. Совершенно очевидно, что архиепископ и католикос идентичные термины» [20, с. 136].

В связи с вопросом о титулатуре главы албанской церкви А.П. Новосельцев пишет, что в Закавказье «относительно рано получила автокефалию армянская церковь (в 60-70-е годы VI в.) Затем (не ясно, когда) титул католикоса приняли верховный иерарх Албании и глава картлийской церкви» [25, с. 204]. М.И. Артамонов считал, что престол патриарха не мог находиться в Дербенте, так как его кафедра возникла в столице Партава в 552 г. после Двинского собора (551 г.), на котором произошло отделение монофизитской церкви от византийской (халкедоннитской). Сообщение Мовсеса Каланкатваца о нахождении патриарха в Дербенте он объясняет народной молвой, связанной с обоснованием в городе отрешившегося от престола албанского царя Ваче II и близостью Ватнианского поля [1, с. 124-125]. Однако приведенные выше данные позволяют предположить наличие верховной иерархической титулатуры в албанской церкви и до Двинского собора, так что сам этот факт не может быть бесспорным доказательством отсутствия патриаршего (католикосского) престола в Дербенте.

Анализ «Истории агван» Мовсеса Каланкатваца свидетельствует, что данные о существовании в Дербенте патриаршего престола приведены и в третьей книге этого труда, написание которой большинство исследователей связывают с другим автором (Мовсесом Дасхуранци), и с более поздним периодом (X веком н.э.). Так, в этой части «Истории агван», в главе об агванских патриархах и их деяниях наряду с другими упоминается «Тер-Аббас, который в начале армянской эры перенес святительский престол из Чора в Партава и правил 44 года» [12, с. 280]. Годы правления Тер-Аббаса (551-595 гг.) соответствуют началу армянской эры летосчисления (551 г.) [12, с. 280]. В пользу предположений о наличии в Дербенте патриаршего престола говорит и еще одно сообщение «Истории агван». В той же, третьей части книги автор в связи с событиями первой половины VIII в. писал: «В 180 году (по армянскому летосчислению – 732 г. н.э. – А.К) Маслиман вторично выстроил Дарбанд во

имя таджиков (арабов. – А.К.), но не разрушил восточного патриаршего дворца, который еще и до сих пор (ко времени написания источника, скорее всего, к концу X в. – А.К.) существует в нем» [12, с. 261].

Однако, если принять во внимание сведения автора (или авторов) «Истории агван» о существовании в определенный период в Дербенте патриаршего престола, который лишь в середине VI в. века был перенесен в Партав, то встает вопрос об определенном несоответствии названных во второй части источника дат (в третьей книге время правления Тер-Аббаса и начала армянского летосчисления, когда престол был перенесен, совпадает). Автор пишет, что престол был перенесен из Чора в Партав «во второй год Хозроя, царя царей (имеется в виду Хосров Ануширван, правивший в 531-579 гг. – А.К.), в начале армянского летосчисления (т.е. в 551 г. – А.К.)» [12, с. 99]. С чем связана подобная ошибка в хронологии, ответить трудно, но если принять во внимание возможную ошибку переписчиков и видеть в дате не «2» а «20» (т.е. не второй, а двадцатый год правления), то тогда обе приведенные автором даты сойдутся и будут соответствовать 551 г. [16, с. 177].

Приведенные выше доводы и высказанные соображения, а также результаты историко-археологического исследования в Дербенте в 1970-1995 гг. позволяют считать весьма вероятным, что некоторый период, скорее всего вторая половина V – середина VI в., престол главы албанской церкви мог находиться в Дербенте [18, с. 103]. Однако, если даже подобные утверждения в дальнейшем будут опровергнуты каким-то новыми фактами, несомненно то, что духовная власть в городе принадлежала лицам, занимавшим самые высокие посты в церковной иерархии Кавказской Албании и носившим в V-VIII в. вв. очень высокую христианскую титулатуру. Особое положение среди высшей духовной знати Албании глава дербентской церкви сохранил и после перенесения престола в Партав, о чем свидетельствует титулатура албанского католикоса, подписывавшегося «католикос агваиский, лбинский и Чора (т.е. Дербента. – А.К.)» [12, с. 164, 131; 14]. Это позволяет думать, что две данные области, Лбиния и Чора, являлись какими-то особыми регионами, занимавшими более высокое положение по сравнению с другими областями Албании, что и подчеркивалось в титулатуре католикоса. Согласно данным третьей части «Истории агван», подобная титулатура католикоса была введена уже упоминаемым Тер-Аббасом, при котором «вошло в обыкновение писать на адресе бумаг католикосу Анвани, Лбинии и Чора [12, с. 280]. Подобным же образом именовал себя католикос Тер-Виро, правивший позднее и писавший: «Я Виро, католикос агванский, лбииский и Чора» [12, с. 131].

Подтверждением особого положения дербентской церкви может служить наличие в раннесредневековом городе огромного базиличного храма (перестроенного позднее арабами в мечеть) [1; 18, с. 103-104, 141-143], который и сегодня является крупнейшим культовым сооружением Кавказа. Существование в Дербенте столь монументального христианского памятника, расположенного в шахристане [1; 16; 17, с. 48-51; 141-143; 187-188] крестово-купольного храма в цитадели города и восточного патриаршего (или епископского) дворца (что не исключает существование еще одного подобного

дворца в другой, части города) свидетельствует о значительной роли христианского духовенства в структуре дербентского раннесредневекового общества. По аналогии с крупными городами Закавказья и Западного Ирана, где большинство населения были христианами, можно предположить, что данное сословие было в Дербенте весьма многочисленным, о чем говорят и размеры культовой архитектуры города, и имело характерную для него иерархическую структуру.

М.М. Дьяконов, в связи с подобными Дербенту городами Сасанидского Ирана, где христианское население «составляло значительную часть жителей или даже основную», писал, что там «религиозный глава играл роль посредника между шахом и его христианскими подданными горожанами. Несторианскому католику, например, передавалось право собирать подати с христиан для передачи их в казну» [6, с. 286]. Вероятно, аналогичную роль играл и глава дербентской церкви, выступавший посредником между сасанидской администрацией города и христианским населением его, но, учитывая специфику Дербента, права его могли быть значительно шире.

У нас нет никаких данных о зороастрийском духовенстве Дербента, но, учитывая наличие здесь значительного количества иранцев (верховная власть, административно-чиновничий аппарат, воины гарнизона), можно предположить существование в городе и зороастрийского жречества, имевшего влияние на персидскую часть его населения.

Исследования экономического развития и социальной структуры Дербента позволяют характеризовать его как один из первых раннефеодальных городов Северного Кавказа с типичным для этого периода социально-экономическими отношениями и классовым обществом аналогичного во многом развитым городам Сасанидского Ирана и Закавказья.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Артаманов М.И.* Древний Дербент // Советская археология. – 1946. – VIII. – С. 121-144.
2. *Ат-Табари.* История пророков и царей / пер. Шихсаидова А.Р. Махачкала, 1971 // Рукописный фонд Института истории археологии и этнографии. Дагестанский научный центр РАН. – Ф. 3. – Оп.1. – Д. 234. № 4803. – 104 с.
3. *Ахмедов Ш.М.* Социально-экономическое и политическое развитие раннесредневекового Дагестана (V-XI вв.): автореф. дис... канд. ист. наук. – Махачкала, 1971. – 21 с.
4. *Баладзори.* Книга завоевания стран / пер. П.К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. – Баку, 1927. – С. 6-22.
5. *Бартольд В.В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Сочинения. Т. II. Ч. I. – М.: Наука, 1963. – С. 651-772.
6. *Дьяконов М.М.* Очерк истории древнего Ирана. – М.: Восточная литература, 1962. – 444 с.
7. *Егише.* О Вардане и войне армянской / пер. И.А. Обрели. – Ереван.: Изд. АН АрмССР. 1971. – 192 с.
8. *Еремян С.Т.* Сюния и оборона Сасанидами Кавказских проходов // Известия Армянского филиала АН СССР. – 1941. – № 7 (12). – С. 33-40.

9. *Иакут*. Алфавитный перечень стран / пер. Н.А. Караулова // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). XXIX. – Тифлис: Изд. Упр. Кавказск. Учебн. Округа, 1901. – С. 11-17.
10. *Ибн ал-Факих*. Книга о странах / пер. Н.А. Караулова // СМОМПК. XXXI. – Тифлис: Изд. Упр. Кавказск. Учебн. Округа, 1902. – С. 1-57.
11. *Истахри*. Книга путей и царств / пер. Н.А. Караулова // СМОМПК. XXIX. – Тифлис: Изд. Упр. Кавказск. Учебн. Округа, 1901. – С. 3-73.
12. История агван Моисея Каганкатваца / пер. К. Патканьяна. – СПб.: Типография Т. Фишера, 1861. – XXXIV, 372, V с.
13. История Армении Фавстоса Бузанда / пер. с древнеарм. И коммент. М.А. Геворгияна; под ред. С.Т. Еремяна; вступ. ст. Л.С. Хачикяна. – Ереван: АН Армянской ССР, 1953. – 236 с.
14. История Дагестана: в 4-х т. – М.: Наука, 1967. Т. I. – 433 с.
15. История епископа Себеоса / пер. Ст. Малхастянца. – Ереван: Армфан-А, 1939. – 184 с.
16. *Кудрявцев А.А.* Пути развития северокавказского города. По материалам Дербента домонгольской поры. – Ставрополь: Издательство СГУ, 2003. – 330 с.
17. *Кудрявцев А.А.* Дербент – древнейший город России. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2015. – 342 с.
18. *Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А.* Феодалный город Северного Кавказа. (Средневековый Дербент в VI – XIII вв.). – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – 307 с.
19. *Луконин В.Г.* Культура Сасанидского Ирана. – М.: Наука, 1969. – 240 с.
20. *Мамедова Ф.* «История албан» Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. – Баку: Издательство «ЭЛМ», 1977. – 196 с.
21. *Мас'уди*. Мурудж ад-Дзахаб./ Пер. В.Ф. Минорского // Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X-XI вв. – М.: Издательство восточной литературы, 1963. – С. 18-25.
22. *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дебрента X-XI вв. – М.: Издательство восточной литературы, 1963. – 270 с.
23. Мученичество св. Шушаники // Грузинская проза. Избранные романы, повести и рассказы: в 3-х т. Т.1.: V в. – первая половина XIX в. – М.: Гослитиздат, 1955. – С. 3-17.
24. *Ниберг Г.С.* Материалы по истолкованию пехлевийских надписей Дебрента // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. – Баку. – 1929. – № 8. – Вып. V. – С. 23-33.
25. *Новосельцев А.П.* Генезис феодализма в странах Закавказья. – М.: Наука, 1980. – 288 с.
26. *Пигулевская Н.В.* Города Ирана в раннем средневековье. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1956. – 366 с.
27. *Прокопий Кесарийский*. Персидская война. I, 14. Цит. по: Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. – М.: Издательство восточной литературы, 1961. – 444 с.
28. *Derbend-Nameh or the History of Derbend, translated from a select turkish version and published with the text and with notes... by Mirza A. Kasem-Beg // Memoires des savants etrangers publies par l'Academie des Sciences. SPb., 1851. T. VI, 242 pp. in quarto.*